

Рассказывают правнуки

Школьники Богучанского округа вписали истории своих семей в летопись Победы, став участниками конкурса школьных сочинений «Моя семья в годы Великой Отечественной войны».

В них ребята рассказали о прадедах, воевавших на передовой, и о прабабушках, трудившихся в тылу.

Многие участники провели настоящее исследование: поднимали пожелтевшие письма-треугольники из семейных архивов, пересматривали старые фотографии и записывали воспоминания самых старших родственников. Работы победителей из Богучанского округа публикуем на страницах газеты «Ангарская правда».

Максим ШНАРЕВИЧ, 10 класс. Таежнинская средняя школа № 1. Победитель конкурса

Для правды, для памяти

С ДНЁМ ПОБЕДЫ!

(Печатается в сокращении)

Январь. Сегодня снова в Таежном мороз. Забегаю на несколько минут из школы домой, чтобы переодеться, и бегу к прабабушке, Марии Дмитриевне Пашневой. Бегу, чтобы затопить печь, помочь с домашними делами и просто поговорить. Одинокому человеку ведь всегда радостно, когда кто-то рядом, когда есть уверенность в том, что близкие и родные поддерживают и выслушают.

Чем старше становится человек, тем чаще он вспоминает свое прошлое, как будто назад отматывает киноленту, предельно внимательно останавливая свой взгляд на некоторые кадры из своей жизни. Вот и моя прабабушка, которой 87 лет, в последнее время часто ворошит свое минувшее. «Память, Максим, не дает мне покоя. Как заноза! Война постаралась: сделала свое дело», — говорит, словно жалуясь, мне бабуля, греясь у печки и, как будто сама себе, и мне, и кому-то еще начинает рассказывать свое прошлое. А я смотрю на нее, худенькую, высохшую, болезненную, недавно перенесшую операцию, молча иду в комнату, достаю из тумбочки старую тетрадку, возвращаюсь на кухню и начинаю в очередной раз ее слушать и записывать все то, что она говорит. Лицо у моей бабушки становится довольным, как будто наконец-то она нашла внимательную аудиторию, чтобы поделиться с ней своим сокровенным. А я сразу почему-то вспоминаю фразу одного героя из кинофильма «Доживем до понедельника», который сказал: «Счастье — это когда тебя понимают». Но для моей бабули счастьем в эти минуты кажется то, что ее слушают. А она, обрывками, что, видимо, помнит, что поднимает на поверхность, будто из толщи воды, ее память, неторопливо, то спокойным, то надрывистым голосом рассказывает.

«В первый класс в 42-м пошла босиком по грязи. И не было мне стыдно, потому что у нас в селе Вязовое Щигровского района, это, вунючок дорогой, недалеко от самого Курска, многие так пришли в школу. Немцы все забирали у людей, все-все. Вот иду я по дороге, а у меня, маленькой, как сейчас помню, одна только мысль

Пашнева Мария Дмитриевна

в голове: чтобы все быстрее закончилось, чтобы никогда не слышать по радио, которое висело у нас в селе на улице, объявления фашистов, противным голосом картавящих русский язык. Чтобы не бояться бомбежек... Дорогой мой, я ведь тебе никогда не рассказывала, да и маленьким, когда ты был, зачем было знать, откуда у меня шрам на лице. Вот, смотри. Видишь, он кое-как заметен». «Бабуля, стыдно признаться, я и не спрашивал тебя о нем не потому, что был безразличным, а потому, что не хотел бередить твоё нелегкое прошлое», — перебивая бабушкин рассказ, виновато признаюсь я ей.

Налив из термоса крепкий, хорошо настоянный на шиповнике, иван-чае, листьях смородины и малины чай, отхлебнув из большой кружки глоток целебного напитка, бабушка продолжает вспоминать.

«Шрам этот, родненький мой, на лице от бомбежки. Война началась, когда мне было шесть с половиной лет, семья наша, состоящая из восьми детей, отличалась любовью друг к другу и крепкой дружбой. Как-то игра-

ли мы все вместе недалеко от своего дома, начали бомбить с неба, мы страшно испугались, как горох, рассыпались кто куда. Слава Богу, что остались живы, но вот осколком задело мне лицо. Теперь память на всю жизнь. Никогда не забуду тот день...».

Бабуля моя рассказывает о себе, а я не могу уложить в своей голове одну-единственную мысль: как она, будучи еще совсем ребенком, выдержала, как и многие дети, все ужасы и потрясения войны. Ведь каждый день подряд почти около двух лет она видела немцев, видела и то, как они издевались над людьми. На ее глазах повесили шесть человек, ее односельчан. А детская память, как губка, все впитывает и ничего не выпускает наружу. Так и люди хранят в душе те страшные годы.

«Знаешь, Максим, — продолжает бабушка, — почему-то все пуще прежнего встают передо мной картины военного прошлого, моего детства. Вспоминаю, когда нечего было есть, мы ходили в лес и в сумерках вырубали пенечки, потому что

весь лес, что был около села, немцы спиливали и вывозили в Германию. Они почти сразу, как зашли в наше село, его спилили. А жили они в Вязовом полтора года. Так вот оставшиеся от леса пенечки мы тайком везли домой. Что оставляли себе для обогрева, пряча в укромные места, что рубили на щепки и незаметно вывозили в Курск, а потом продавали по десять рублей за одни санки. Покупали на деньги хлеб. Так и выживали».

Слушая с большим волнением бабушкины воспоминания и пропуская их через свое детское сердце, пытаюсь сдержать слезы, и, чтобы прабабушка не заметила, украдкой вытираю лицо, подкладывая в печь дрова. Вижу, что и она устала, предлагаю прилечь на кровать, которая была сделана моим прадедушкой Николаем Васильевичем, а сам сажусь рядом. Мы оба молчим, каждый думает о своем. Только весело потрескивают в печи дровишки. Бабуля моя задремала. А я, перелистывая вперед тетрадь, снова читаю то, что записывал раньше в минуты ее печальных воспоминаний. Записывал от первого лица, чтобы сохранить каждое бабушкино дорогое для меня слово...

Запись от 8 мая 2019 года: «Нечего было есть людям, совсем нечего. И садить в огороде мы ничего не сажали. Всю землю: и колхозные поля, и наши огороды — немцы обливали какими-то химикатами. Вся она была отравлена, и потом еще долго на ней ничего не росло. Но ходить по земле, кроме нас и фашистов, было некому: весь крупнорогатый скот гадюки вывезли к себе, в Германию. А гусями и курами кормились у нас на селе. Своих кур мы скрывали у себя в сарае до поры до времени, никуда не выпускали. Они и поддерживали наши животы. Узнав о том, что немцы снова шныряют по дворам, прятали их дома в печи. Немцы уже на пороге, а петух, видимо, чуя вражью шкуру, как закукарекает, так и выдал своих подружек да и себя тоже. Мы испугались, зная, что будет расплата за прятанных кур, но, слава Богу, обошлось...».

Запись от 15 октября 2020 года: «Постоянный голод. По-

стоянный холод, мне кажется, я его ощущала даже летом. Наверное, от недоедания я мерзла всегда... Но рада тому, что не забрали в Германию, как многих детей из нашего села. Сестру мою тоже (на ту пору ей было 14 лет) затащили в вагон, где были другие люди вместе с коровами, и хотели вывезти, но она, как только поезд тронулся, прыгнула с вагона и убежала. В нее стреляли, попали в ногу, но все равно спаслась. От пули в ногу оказалась большая дырка, которая никогда не заживала. Так и умерла наша Аня с этой дыркой».

Запись от 22 июня 2021 года: «Мама, Анастасия Павловна, умерла в 43-м году. Младшему брату, Ивану, на ту пору было всего два года. Воспитывали сами. Отца, звали его Дмитрием Григорьевичем, тогда дома не было: ушел на войну с лошадей, а вернулся с фронта без лошади и без ноги. Кузнец он у нас был, с золотыми руками, которые его и вырочали. Лошадь подкует человеку, тот даст ему продукты, на то мы и жили после войны».

Запись от 14 ноября 2021 года: «Была сильная война. Все, что не нравилось, немцы сжигали на своем пути, видимо, хотели стереть с лица земли русскую землю. Кто не слушался в селе, сжигали дотла дома и людей. Есть совсем было нечего, питались всякой травой. Помню, из лебеды стряпали лепешки и варили суп...».

Тишину прервали старинные часы с боем. Прервали они и спокойный сон моего родного человека. Бабуля проснулась. Я поворошил угли в печке, а потом мы снова пили чай. Кот, разомлевший от тепла, разлегся около поддувала, подслушивая наш душевный разговор. А в это время я ей рассказал о том, как у нас замечательно в новой школе, показал ей крупным планом на телефоне несколько фотографий нового здания, закрыл в печи трубу и, попрощавшись, пошел домой.

Длинной дорогой я думал о бабушке и о войне. Дети на войне — это самая из самых истин. Так пусть же бабушкина тетрадь будет храниться у нее в столе для правды и памяти о ней. А память снова попросит взять ее в руки, и я возьму...